

Вечер поэзии. Сергей Есенин

У нашего поколения с Лихачевки, Байкала, Коптево и шпанского района Севера Москвы от Левого берега до Войковской было немало развлечений вроде как подраться на болоте, поиграть в «пристенок» или «буркозла», погонять в футбол на вечно строящемся стадионе или в хоккей на Петрашке. Собственно и перспективы были вполне конкретные: школа-техникум-институт для одних, работа портвейн хулиганство для других.

Среди славных предприятий нашего района НИИТП выделялся своей закрытостью, наличием спирта и надписью на красном кирпичном корпусе: «Наркомат сельского хозяйства». Еще в НИИ ТП был пионерский лагерь, куда многих из нас отправляли родители, кого на одну смену, а кого на все лето. Почти 80% всех друзей по двору и школе оказывались с тобой в одном отряде или одной палате. Ровно те же отношения, что были во дворе, перекочевали и в лагерь. Однако...

Все происходит неожиданно, когда во время «тихого часа» в галдящую от выплесков гормонов палату мальчиков вошел вожатый и начал читать стихи. Скуластое с желваками смуглое лицо его ни мгновение не оставалось без движения. Почти черная косматая шевелюра то ли Мцыри, то ли Вельзевула, словно магма с дымом и копотью образовала над головой неутихающую бурлящую пляску. Демонический глаз горел, норовил забраться под простыню и выжечь дотла твое сердце вместе с достигшими точки кипения мозгами.

Вожатый умер..., т.е. достигнув самой высокой точки своей декламации, почти сорвавшийся на крик голос, внезапно увял, как упавшее с ветки и перележавшее на земле осеннее яблоко, и его замело снегом. «Из кота того сшили шапку, а ее износил мой дед...»

Боже мой! Эти стихи написал такой же, как и мы, чувак, только может немного постарше. Может с соседней улицы.... Нет, вроде как из деревни, но в доску свой!

— Сереж,— спросили мы не дыша от зажавшего горло очередного стиха Это кто? ЕСЕНИН!

В то лето многим из нас исполнилось 14-15 лет. Почему-то стали узкими в плечах школьные курточки с погончиками и короткими синие нестираемые за партами, не рвущиеся на снежных горках и окрестных заборах форменные брюки. В моду входили «клеши», сшить которые могли себе позволить далеко не все, поэтому на маминых машинках «Зингер» в распластанные порты вшивались клинья, размер которых определялся буйной фантазией заказчика. Особым шиком было украсить вставленные шедевры латунными пуговицами с армейских кителей благо, завод нестандартного оборудования им. А.Матросова в избытке получал отслужившую свое в войсках военную форму. Долго ли, на 90-м автобусе долететь до головинского кладбища, а там, через забор и... вот она страна «лимония»! Хочешь погоны, хочешь шевроны.... Хоть с пушками, хоть с танками. Держать фасон перед девчонками - это мы впитали с ясельного горшка! Опять же, солдатский, а пуще того, офицерский ремень носил тогда почти каждый пацан. Кто на «всякий случай», кто как трофей. Карманы оттягивали поджиги, самопалы или, в крайнем случае, свинцовая бита, которая могла послужить и свинчаткой и кастетом. И вот с таким гардеробчиком мы и завалились в пионерский лагерь. А тут... Есенин!

Почти у каждого из нас была своя симпатия. У кого мяч футбольный, у кого авиамodelи. Но все чаще любимые игрушки уходили на задний план перед возможностью потанцевать с девчонками в клубе «Лесная тишина», где ревели в ночи и вынимали душу акустические колонки. Где вокально-инструментальные ансамбли и дискотеки были лучшим фитнесом, а для младших отрядов манящей морковкой для ослика, время которого еще не пришло. Более-менее это все стало повседневным, как танцы

«по-пионерски», вопросники в девчачьих песенниках, «аллея любви» на костре и игра в «почту» в тихий час. Но вечер поэзии Сергея Есенина, да чтоб с самоварами из соседних деревень, да канделябрами со свечами, да эротично рокошущей в томно приглушенном зале гитарой, да за столиками.... Этого ребячий мозг вынести не мог! Смешалось все страх, стеснение, боязнь опозориться, девчонки эти проклятые...

Устроенный быт тихого часа рухнул как дамба.

— Не могу я читать этот стих! У меня шипящие не получаются! - кричал заламывая руки в негодовании лучший футболист отряда Вовчик Теперь любовь моя не та. Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь... — припадая на звук «ж» и делая его до неприличия мягким, декламировал он на всю палату Да он что, специально издевается?

— А ничего, что я такой высокий, буду читать про «синий горошек»? Не засмеют? - вопрошал другой оголец.

И только, суровый, словно тень отца Гамлета, отмеривающий размашистым шагом метры прохода между кроватями пионервожатый с тихой угрозой в голосе шипел:

— Учите. Учите текст!

И недобрый отблеск черного как анашкинская ночь в августе глаза отрядного Азazelло не оставлял выбора.

Да, собственно, колебаний и не было! Вахтовым методом то учили стихи, то гнули проволоку на подсвечники, да резали фольгу для чашек, чтоб стеарин не растекался.

По соседним деревням был отправлен краеведческий отряд молодых экспроприаторов древних ценностей - самоваров. В лабазе скуплены свечи на две зимы вперед. Даже лагерный фотограф и радист, закрывшись в радиорубке, что-то наигрывали в гитарно-баянном гламуре, и их томные, трогающие за сокровенные места пионЭрской души рулады, сочащиеся из-за белых кирпичных стен через слуховое окно, собирали толпы юных почи-

тательниц талантов, чинно рассеявшихся на кондовых скамейках танцплощадки.

Господи, что ты наделал, Сергей Есенин!

За неделю до назначенного поэтического вечера в пионерском лагере «Звездочка» что-то негромко хрюкнуло, брякнуло упавшим с верстака зубилом, прошипело разбежавшимся по пионерскому галстуку утюгом в банно-прачечном комбинате и перевернулось с ног на голову. Прежде всего, это заметили вожакие, не понимающие, почему игнорирующие обычно друг друга мальчики и девочки, радостно отпускавшие пинок товарищу по отряду с криком: «Попу к стенке!» — стали дружно мести зал столовой, забыв про традиционное : «Сижу!» Почему мальчики после ужина, по-утиному переваливаясь и перекидывая с руки на руку брюки и рубашки, семенили в гладильную комнату. Почему после отбоя дети перестали лазить друг к другу в палаты, чтобы нашкодить с помощью зубной пасты, кнопок или «волшебной ниточки» под простыней. Все это было удивительно и непривычно. И потому по ночам горел на сцене клуба «Лесная тишина» люминесцентный свет гудящих, то ли от старости, то ли от наседавших комаров, длинных ламп, освещавших могучую тень патлатого, всеми любимого художника, разрываемого творческими замыслами с одной стороны и беспокойным сном маленького сына, безмятежно хрючащего за фанерной перегородкой. Песнярские усы художника, чуть напомаженные гуашевыми красками, беспокойно дергались, когда закончив очередную проникновенную речь о предстоящем поэтическом вечере, его друг и соратник Азazelло протягивал ему опаленной жилистой рукой стакан «антабуса» или, как еще называли алкоголь в приличных местах, «пионЭрской тЭматики».

— Типа — вопрошал основательный и неспешный художник, с неподдельным интересом уперев свой скептический взор сквозь линзы роговой оправы очков, — В лесу гриб попер. Анна второй день носит из-за бассейна. А я тут с декорациями корячусь! Ну, на хрена тебе все это?

В это время скрипнула входная дверь и, наследив по пустынному залу клуба гулким эхом семенящих шагов, на сцену поднялся маленький человек в очках с пакетом в руках.

— А-а-а, ваяете! — сочувственно, чуть заикаясь и хмыкая, произнес человек - А-а-а я вам вот г-грибчиков с картошечкой п-принес!» - добавил он и стал распаковывать укутанную в газеты маленькую кастрюльку, источавшую ароматы, категорически не рекомендуемые людям, ограничивающим прием пищи в 20 часов и следящим за своим весом.

— У в-в-вас, случайно, лишней водки нет? А то я как-то н-не рассчитал. Народ собрался и такой к-конфуз? — произнес он ненароком, продвигая кастрюльку на середину стола.

— Есть водка, пей! — прохрипел Азazelло, протягивая стакан гостю. — Только вот закусываем конфетами, Анна в Москву уехала на два дня, жрать нечего.

— Ну, вот я и к-кстати! А в-водки мне с собой... Как там поэтический вечер? Опять что-то о-о-отчубучили? — сказал гость и открыл крышку. На дне кастрюльки лежали ровно три ложки тушеных грибов с картошкой.

После обеда лагерь разбредался по своим отрядам, торопясь до горна пожурчать в зеленом пионерском домике, закончить неотложные дела, которые есть у всякого благовоспитанного пионЭра, и с новой силой окунуться в процесс заучивания и репетирования стихов и песен, так внезапно обрушившегося на лагерь поэта Есенина.

— Ребята! Нужны помощники канделябры гнуть, кто пойдет? - выкрикнул пробежавший мимо толстый мальчишка с серьезным лицом — Там, в ДТТ, Ляля 6-ти миллиметровой проволоки притырил!

Авиаракетный кружок не мог вместить столько уклонистов от «тихого часа». Шмыгающий носом кружковод глядел строго, не оставляя шансов на халяву. Красные трусы, как память о визите в пионерлагерь шелкового комбината им. Щербакова, придавали идеологическую окраску предстоящему действию, а чапаевскую поступь его дополнял звук шлепающих по голым пяткам вьет-

намок, словно в станочном цехе методично работала машина: «Чих-пых, чих-пых!» Продефилировав по вымытому крыльцу Дома технического творчества гуру конструкторской мысли удалился на хоздвор.

— Ребята, а что делать-то надо? — прозвучал в наступившей минутной паузе низкий голос высокого, немного флегматичного пионера.

— Щаз все покажу! — как черт из табакерки из-за спин ребят вьюном выскользнул невысокий крендель с заросшей до уровня глаз челкой прямых волос и почти битловской прической. Без комментариев было видно, что он только что играл в футбол и, видимо, продолжал делать это и сейчас, просто мяч залетел через окно, а он до него не дотянулся.

— Все просто! — продолжал, не сбавляя темпа, бесенок в пропотевшей футболке — Берешь зубило и долбишь в нем дыроку! — закручивая в тиски каленый металл, продолжал юный друг техники.

— А чем долбить-то? — неуверенно спросил длинный — Это же каленый металл!

— А ты возьми гвоздь побольше! Самый большой гвоздь возьми! Ты знаешь, что такое гвоздь? Ты знаешь, какая в нем пробивная сила? А не хочешь, — тут другие найдутся! — не сдавал позиций футболист.

Вокруг завязавшейся дискуссии собрался народ с любопытством наблюдающий, как длинный пионер с геркулесовой силой долбит молотком по здоровенным гвоздям, пытаясь проткнуть зажатое в тиски зубило. С каждым могучим ударом самый «пробивной» гвоздь жалобно скулил, завивался колечком обиженной хулиганом дворняжки и отлетал под верстак. Горка гнutoго металла под верстаком быстро росла.

— Все, я больше не буду! Не получается! — пробасил длинный.

— Да ты просто победитель соревнования! Смотри уже как глубоко пробил! - ввернул свое живое слово бесенок — Ты просто растворителем для железа забыл помазать! - доставая здоро-

венную белую бутылку клея БФ с воткнутой в горлышко деревянной рейкой, разглагольствовал футболист.

— Чего это он там делает? — тихо спросил из-за спины вернувшийся кружковод.

— Пасик прикалывается! Заставил длинного зубило гвоздем пробивать, да еще клеем мазать! — не оборачиваясь, бросил за спину какой-то пионер.

— Чудны дела твои, господи! Ну, юмористы! — сказал про себя кружковод и пошел гнуть подсвечники для поэтического вечера.

День, на который было назначено проведение вечера поэзии, начался как-то нервно. После подъема флага на линейке, народ, бегло обозначив уборку территории, рассредоточился по укромным уголкам пионерского лагеря, парализовав работу сразу всех кружков от «Мягкой игрушки» до «Авиаракетного», и только младшие отряды также самозабвенно гоняли мяч на футбольном поле или передвигались с изяществом стаи мальков, выныривая в самых неожиданных местах. Иногда они, вспугнутые очередным возгласом кого-то из старших отрядов, обезьянничая и гримасничая, бросались враспынную, чтобы отбежав метров 15 снова сбиться в стаю малолетних пираний, не ведающую страха и пощады. Они могли запросто наброситься из кустов на проходящего первоотрядника и, повиснув на руках и ногах его, щипать за оголенные места и орать голосом повешенного на гвоздь Буратино: «А ты сегодня придешь к нам в тихий час сказку рассказывать?» При этом все, что находилось в руках старшего пионера неминуемо оказывалось на свежее выметенных дорожках, мгновенно покрываясь многолетней пылью и сухими иголками вековых елей.

— Р-р-раз! Д-д-два! Т-т-три! — раздавалось из-за ближайшего леса.

«Чебурашки» мгновенно осыпались с лишенного последних сил пионерского тела, и, не считаясь с кустарниковыми изгородами, молодым ельником и обилием луж после дождя, включив известный только им одним рефлекс сохранения отрядной массы, неслись к своему корпусу на звук матери-вожатой. Они летели

не жалея грязных пяток, ободранных коленей и татуированного комарами и зеленкой хлипкого тельца с торчащими ребрами и нарушающими аэродинамику ключицами.

— Фу, пронесло! Скорей бы уж! — восклицал ошастливленный пионер, поднимая из пыли и хвои отутуженные брюки. «Каждый труд благослови, удача...» начинал он снова повторять вколоченное в мозг стихотворение Есенина, с радостью осознавая, что среднее ухо цело и вред здоровью малолетними бандитами нанесен минимальный.

Время приближалось к обеду, и на кухне слышался привычный звук месильной машины, колдующей над составом ноздреватого теста для пирога. Лагерь ждал праздника.

Пионерский клуб «Лесная тишина», представлявший из себя некое подобие длинного одноэтажного барака со сценой в одном торце и кинобудкой в другом, после ужина преобразился в площадку съемки фильма «Как закалялась сталь». Мальчики первого отряда с энтузиазмом строителей «Боярки» растаскивали сколоченные рейками деревянные стулья и, ставя их друг на друга, громоздя почти под потолок хлипкие деревянные конструкции, освобождали место для предстоящего действия. Словно муравьи со столами на спинах от столовой к клубу тянулась по тропе другая часть «рабочих сцены», подбадривая друг друга пожеланием: «Таскать вам, не перетаскать!». Девчонки внутри расправляли на столах бумажные ажурные скатерти, устанавливали подсвечники, сервировали посудой и свежими цветами - незабудками и купавами. Кое-где в вазочках стояли васильки и ромашки, но это уже не из леса, а с поля перед лагерем.

Сестра-хозяйка Тамара Прокофьевна, деловито ссыпав в чистую наволочку отмерянные веса шоколадных конфет «Ласточка» и «Василек», печенья «Сахарное», вафель «Артек», сняла белый халат и, подначивая вожатого своим не допускающим малейшего оттенка юмора бывалым голосом, спросила:

— Ну что, идти - то стоит?

Ответа она не ждала, весь лагерь знал, что будет что-то необычное, что-то из ряда вон выходящее. У этого Азazelло, все

не как у людей, все исподвыподвертом, потому на мероприятия его отряда соби́рался не только вожатский состав лагеря. Лучшие люди хоздвора во главе с начальником чинно занимали места поближе к сцене на боковых стульях ввиду отсутствия гостевой ложи. Вот и сейчас, клуб еще не готов, а на танцплощадке у кинобудки уже соби́рался народ с хоздвора. Выход в свет! Начальник в костюме, повара в платьях, врач и медсестра также, согласно штатному расписанию. Даже водитель всех самых нужных машин - компрессора и пожарки Василий Иванович, облачился в темный костюм, белую рубашку с вышивкой по вороту и брюки со стрелками, доведенными до остроты бритвы, заправленными в начищенные ваксой кирзовые сапоги собранные гармошкой на щиколотках. Не все тебе одному щеголять по московским улицам, Сергей Александрович!

Однако на дворе стало смеркаться, и все собрались в клубе. Невероятно! Потушили свет! Да уж, вопросы нравственности в темноте легко и упустить! Все стихло. Даже квадратные светильники над дверями с надписью «Выход», то ли запылились, то ли внимая остроте момента, перешли на мерцающий свет. Робкими лепестками, пробивающимися из мрака, стали возникать язычки пламени на самодельных подсвечниках и, разбегаясь по залу, превратились из лесных светлячков в строгие светильники, очертившие силуэты поэтического салона Москвы начала 20-го века или, точнее, ресторана «Метрополь» времен НЭПа. Шелест из кинобудки перешел в луч яркого света, пятном дрожавшим на закрытом занавесе сцены. В пятне стоял человек.

В тот вечер равнодушным не ушел никто.

— Да, Типа, можешь! — похлопав по плечу, сказал начальник лагеря и пошел, растирая глаза пролетарским кулаком.

— Ты не стесняйся за добавкой-то подходить, не все же диЭтчиков откармливать! — сказала дородная красивая женщина с пучком на голове — Заходи с пионЭрами за пятым питанием, все одно остается ведь с ужина!

Сопровождавшие ее две женщины в красивых летних платьях согласно закивали головами, впервые освобожденными от накрахмаленных колпаков - непрямого атрибута кухни.

— Ну, ексель-моксель! Ну, матушку вашу ... я прослезился ваЩе! — угрожая отточенными стрелками на брюках, выдал Василий Иванович, стараясь не глядеть распухшими красными глазами.

— Зайди завтра, я подпишу согласие на 4-х дневный поход для твоего отряда - сказал гуру клистерных грелок, маэстро клизматрона доктор Пилюлькин Пойду, рвану валерьяночки граммов двести! — уже удаляясь в темноту, пробурчал он про себя...

А в пионерских корпусах не спалось. «Ну что? Ну как? Не облажались? Как шипящие, не шипели?» — сыпались вопросы с коек, с трудом удерживающих своих эмоциональных хозяев. Ну как в 15 лет уgomониться после такого эмоционального взрыва, стресса, да, возьмите выше — извержения! Казалось, что черная копна Азazelло окаменела, да и сам он стоял, прислонившись к окну и, глядя в белую дверь пионерской палаты немигающими черными глазами, в которых демонический отблеск стал еще отчетливей и контрастней. Красно-черный свитер веселенького орнамента, с прорезом от плеча до плеча вместо вязаного горла, нахохлился как воробьиные перья перед дождем. Фирменные французские джинсы с карманами, по которым разлетались металлических молнии, сбились у колен, обнажив голые лодыжки босых ног в сандалиях.

— Все хорошо, все нормально! — тяжелым шепотом сказал он, ловя себя на мысли, что в этот вечер чуть не умер от перевозбуждения.

Над футбольным полем повис криворогий месяц. Художник в клубе восстанавливал свой статус-кво, вытаскивая на сцену стол для изготовления очередного изобразительного шедевра. А за хоздвором, как обычно, лихо рассыпала свои рулады гитара, однако привередливым коням Высоцкого был предоставлен выходной.

«Под окошком месяц, за окошком вечер...» - выводил певец, изо всех сил силясь удержаться и не рвануть в привычной манере: «Э—э—э—эх!!!»